

Когда Цуй Люй объявил о перестройке родовой школы и расширении главного поместья, он не оставил людям времени даже на то, чтобы прийти в себя.

Более сотни семей клана только-только получили в Центре по обработке дел клана Цуй документы на аренду своих наделов. Сейчас они были поглощены сбором созревшего урожая. По уговору, весь сбор нынешнего сезона по-прежнему принадлежал главному дому; сородичи могли оставить себе лишь десятую часть в качестве платы за труды. В конце концов, эти зерновые были посеяны ещё в прошлом сезоне, и тот, кто вообразил бы, будто вместе с землёй ему достанется и чужой урожай, проявил бы поистине ненасытную алчность.

Признаться, поначалу Цуй Люй подумывал раздать всё подчистую, но когда слова уже были готовы сорваться с языка, он увидел ошеломлённые лица сородичей, вперивших в него жадные взгляды, и внезапно передумал.

Он-то знал истинную причину своей щедрости, но другие — нет. Прикрываясь легендой об «откровении свыше» после болезни, он стремился облегчить жизнь клана, но благодеяние должно быть мерой: умеренная помощь рождает благодарность, чрезмерная — лишь разжигает аппетиты.

Когда число тех, кто желает получать блага даром, растёт, ряды тружеников редуют. Его целью было направить людей к созиданию, а не приучать их ждать, когда с неба упадут даровые пироги. Так и появился указ, разделяющий владение землёй и право на старый урожай.

И действительно, в представлении сородичей он остался всё тем же прижимистым Цуй-Котелком. Щедрым — но не слишком; всё тем же стариком Цуем, который будет торговаться за каждую медную монету.

«Землю-то раздал, а за крохи урожая цепляется. Нет, человек остался прежним, и нрав его скупой никуда не делся», — шептались в толпе.

Всё верно: это был их Глава. Человек, который из-за болезни вроде бы и переменялся, но так и не стал до конца широкой душой.

Однако возникла иная трудность: как быть с батраками, что прежде трудились на полях поместья? Сородичи получили землю из расчёта на число едоков, и их собственных рук вполне хватало для обработки наделов. Помощь со стороны могла понадобиться лишь в разгар страды. Значит ли это, что арендаторам, чей достаток всегда зависел от пашен главного дома, придётся разойтись?

Нужно понимать, что в Хуйцуне больше половины жителей кормились тем, что арендовали земли Цуев. Теперь, когда поля отошли сородичам, батраки готовы были взбунтоваться, но их

пыл угас, не успев разгореться.

«О чём шумите? Земля что — ваша была? Коль арендовали её, так и распоряжаться вздумали? Разве главный дом обделил вас при расчёте?» — осаживали их старшие. Зерна и серебра Цуй Люй выделил им предостаточно. Грядущая зима обещала стать для них самой сытой за долгие годы. Так на что же жаловаться?

Арендаторы пристыженно смолкли. Всё так: в этот раз поместье не проявило к ним жестокости. Глава лично распорядился не притеснять их. Но... но ведь зима не вечна. А что потом? Где искать работу следующей весной? Во всём уезде не осталось земель, которые можно было бы взять в аренду.

В крае, где торговля не развита, простому люду остаётся лишь пахать землю. Иных способов прокормить семью они не знали и представить не могли. Сейчас у них была и еда, и деньги, но когда запасы иссякнут — как жить дальше?

Уезд раскололся: с одной стороны — ликующие сородичи Цуй, обретшие почву под ногами; с другой — горемычные батраки, готовые разрыдаться от безысходности. Последних было в разы больше, чем членов клана, и было ясно: новые хозяева земли не смогут нанять их всех. Множество семей в одночасье лишились будущего.

«О Небеса! Почему мы не родились под фамилией Цуй?»

Прежде они сочувствовали этим Цуям, прозябавшим на клановых землях под гнётом родовой дисциплины, — те казались им забитыми и безжизненными. Теперь же в их сердцах не осталось ничего, кроме жгучей зависти.

Некоторые всерьёз задумывались: а нельзя ли сменить фамилию?

Отчаяние длилось до тех пор, пока из главного поместья не пришла весть о великом строительстве. В тот же миг жизнь словно вернулась в их изнурённые тела.

Боги! Они больше никогда — даже в тайных мыслях — не назовут Главу поместья безумцем. Это же святой человек! Живой Бодхисаттва! Благодетель!

Работы хватит всем.

Оживились не только батраки — весь уезд словно пришёл в движение. Цуй Люй поначалу опасался, что уговорить жителей, чьи дома попадали под снос ради расширения поместья, будет непросто. Но люди, взглянув на условия переселения, а затем — на свои тесные, ветхие лачуги, где три поколения ютились в одной комнате, соглашались мгновенно. Кто не сменит такую дыру на новый дом — тот последний глупец!

Условия? Поторговаться? Выждать, вдруг дадут больше?

Ну уж нет! А вдруг скупой Цуй-Котелок одумается и вернёт всё на круги своя? Лекарства от сожалений не существует, поэтому бумаги подписывали немедленно. Нужно было ковать железо, пока Глава не переключился на прежнюю волну.

Жители в радиусе километра от поместья даже не дожидались, пока к ним придут за ключами. Они сами освобождали дома. Когда Цуй Чжунхао со слугами и охраной прибыл на место, его встречали чуть ли не с поклонами.

— Ах, второй молодой господин, как же мы вас ждали! Посмотрите, мы всё вычистили до блеска. Если что не так — мы ещё раз подметём, в каждом углу порядок наведём!

Тут уж возмутились батраки: им-то пообещали работу по разбору старых строений, а бывшие жильцы сами лезли вперёд!

— Вы чего это? — ворчали рабочие. — Вам велели съехать — так и идите себе с миром. Зачем всё вылизывать? Что нам-то тогда делать? Работу у людей отнимать — грех великий!

К счастью, расширение задумывалось грандиозное. Цуй Чжунхао получил лишь часть чертежей, но и там работы хватало: сначала нужно было возвести стену, чтобы огородить выкупленную территорию. Внутри планировали выкопать искусственное озеро, разбить сады, установить камни для любования пейзажем. Галереи, восьмиугольные беседки и прочие изыски — всё это требовало сотен рук. Один этот крайний участок мог прокормить всех оставшихся без земли арендаторов.

А когда были подсчитаны объёмы работ по перестройке родовой школы, у ворот поместья вывесили списки вакансий. Теперь и у переселенцев появились деньги. Благодаря их сговорчивости они получили преимущество при найме. У пунктов набора Цуев яблоку негде было упасть: люди тянули жребии, записывались в артели. Те, кто владел ремеслом — плотники, каменщики, садовники — ценились выше всех и зарабатывали больше. Те же, кто ничего не умел, отправлялись копать каналы, озера и рвы, таскать тяжести и подносить материалы.

Всего за пять дней весь Хуйцзюй преобразился. Поместье Цуев, как и здание уездного управления, стояло на возвышенности в северной части города. Но если Ямэнь занимал саму северную точку, то поместье было смещено к востоку — туда, где первыми всходят лучи утреннего солнца.

Вообще-то, территория уездного управления должна была быть средней по размеру — государственные каноны строго определяют масштаб: больше — дерзость, меньше — потеря достоинства. Обычно чиновники работают в передних залах, а живут в задних покоях. Если же попадался господин взыскательный, он покупал отдельную усадьбу для семьи, и тогда его владения считались лучшими в уезде.

Однако в Хуйцюе всё было иначе: сначала здесь обосновались Цуи, а уж потом появилось чиновничество. Как уже говорилось, этот край напоминал чашу среди гор. Изначально власти даже не помышляли ставить здесь управу — место звали Хуйцюйской ложиной, и жили тут три с половиной калеки, с которых и налогов-то не соберёшь. Но когда клан Цуй перебрался сюда всем родом и за сумму, казавшуюся тогда внушительной, а ныне — смехотворной, скупил все пахотные земли, государство спохватилось: «Ого, да тут теперь есть с кого налоги брать!» Так ложина превратилась в уезд Хуйцюй.

В те времена Цуи успели занять лучшее место и отстроиться на славу. Род был велик, и домов требовалось много, а поместье Главы возвели столь просторным, что позже выстроенный Ямэнь, как ни старался придать фасаду величественности, так и не смог догнать его по площади. Тогдашние чиновники даже посылали людей с упрёками: мол, как вы смеете затмевать государственную власть? Снесите, дескать, часть построек, отдайте землю под управу, соблюдайте приличия!

Но в те годы столица была далеко, и властям было не до этого захоlustья. Чиновникам просто было обидно жить в тесноте. Глава клана в те времена был человеком неконфликтным; желая и мир сохранить, и усадьбу сберечь, он решил: «Бог с ней, с горой Юньянь — к ней и воду-то от реки не подвести, — поднесу-ка я её властям в дар как извинение».

Так и повелось: поместье по расположению и масштабу всегда неявно возвышалось над Ямэнем. Сколько бы раз управу ни перестраивали, превзойти владения Цуев не удавалось. Это был единственный случай во всём Цзянчжоу, когда частный дом превосходил казённое здание. И никто не обращал на это внимания — должно быть, просто потому, что уезд был слишком беден.

Цуй Люй, раздав указания, не вникал в каждую мелочь. Ему нужен был результат, а не подробный отчёт о процессе. Пока другие занимались расчётами, у него оставались дела поважнее.

Нужно было во что бы то ни стало удерживать Чжан Ляньцюэ в узде. Весь уезд гудел о великой стройке в поместье, все свободные руки ушли к Цуям. Расширение на километр в округе фактически сожмёт Ямэнь до размеров точки. Если взглянуть с горы Юньянь, поместье станет главным символом Хуйцюя. Любой чиновник сочтёт это вызовом — для семьи, не имеющей ни титулов, ни высоких рангов, подобное не просто недопустимо, а опасно.

Но Цуй Люй хотел, чтобы всё было именно так. А значит, нужен был рычаг.

Клан Цуй из Цинхэ, что в далёкой столице... В моих видениях — или, если угодно, в прошлой жизни — вы изрядно нажились на моей беде. Что ж, теперь я, представитель забитого в горах Болинского клана Цуй, сделаю ответный ход и заберу своё.

— Брат Ляньцюэ, если в этот раз при подаче отчёта вам снова не удастся найти достойного покровителя, я мог бы посоветовать одну дальнюю ветвь своих сородичей, с которой мы давно не общались. Быть может, они смогут помочь.

Они ехали в префектуру в карете. Чжан Ляньцюэ сидел с недовольным миной — слухи о стройке Цуев бередили ему душу. Раньше северная часть города была поделена между управой и поместьем, а мелкие домишки соседей служили лишь фоном. Они были на равных. Теперь же расширение Цуев превратит Ямэнь в придаток к их усадьбе. Люди ещё подумают, что истинные хозяева здесь — Цуи, а не власти!

Ему было тошно, он злился и хотел было применить власть, чтобы наказать Цуй Люя, но в глубине души понимал: сейчас он бессилён.

Цуй Люй не был чиновником, но обладал учёной степенью. Он не служил, но его люди пронизали все низшие звенья управы в соседних уездах. Если они захотят его подставить — он и глазом моргнуть не успеет.

Чжан Ляньцюэ сжал кулаки от бессильной злобы. К тому же его душила зависть: он знал, что Цуй Люй богат, но не представлял — насколько. Говорили, что в поместье теперь каждый день подают суп из столетнего женьшеня и варят линчжи с отборным мясом.

Сам он этого не пробовал, но рассказы очевидцев были весьма красочны.

Расспрашивать было неловко — не хватало ещё показаться невеждой или обжорой, выпрашивающим приглашение на обед.

Словом, он кипел от негодования. Его бесило, что Цуй Люй даже не догадался позвать его в гости, хотя он везёт его в дом самого главы области! А тот даже не додумался прислать ему изысканных яств.

«Видно, для него я ничем не лучше его сородичей. На языке — "братья", а в сердце — никакой близости. И это после стольких лет моей опеки!»

В понимании Чжана то, что он позволял Цуй Люю оставаться первым богачом уезда и не присылал стражников «потрясти» его кошелёк, уже было платой за помощь в получении должности. Пока он здесь — он щит, оберегающий Цуя от всякого сброда и вымогателей.

Но он забыл посчитать, сколько Цуй Люй ежегодно отдавал ему в виде «подарков на уголь и лёд» и праздничных подношений. Этих сумм хватило бы десятку вымогателей до самой смерти. А что до проблем — разве личная охрана Цуев была лишь украшением?

Чжан Ляньцюэ помнил лишь то, что отдавал, и в упор не видел того, что получал.

Цуй Люй предвидел его недовольство, потому и затеял этот разговор. И действительно, внимание Чжана мгновенно переключилось:

— О? У тебя есть родня в столице? Почему же я раньше об этом не слышал?

— Старые связи предков. На днях услышал, как люди обсуждают столичную знать, и понял, что та наша ветвь ныне в великой милости у государя. Имеют вес и голос при дворе, — небрежно отозвался Цуй Люй.

— Вот как? И как их зовут? Какую должность занимают? Если ты назовешь себя — они признают родство? — Глаза Чжан Ляньцюэ азартно блеснули, вопросы посыпались градом.

Цуй Люй пристально посмотрел на него и, когда кучер придержал лошадей, произнес:

— Приехали.

Занавеска отодвинулась, и звонкий голос слуги Чжана возвестил:

— Господин, мы у ворот резиденции главы области.

Лицо Чжан Ляньцюэ мгновенно потемнело. Он обернулся и рявкнул:

— К чему этот крик? Твой господин не оглох. Пшёл прочь!

Цуй Люй, обойдя его, вышел из кареты и сунул слуге монету:

— Ступай попей чаю с моими охранниками. Здесь ты пока не нужен.

Чжан Ляньцюэ, нацепив маску спокойствия, спустился на землю и перехватил мимолётный взгляд Цуй Люя. На миг его охватили стыд и ярость — ему показалось, что все его мысли прочитаны. Но тут навстречу уже вышел управляющий резиденции, и чиновнику пришлось вновь натянуть улыбку:

— Прошу прощения за опоздание. Свободен ли господин глава области?

Управляющий скользнул взглядом по телеге с подарками, небрежно кивнул и тут же качнул головой:

— Время есть, но другие господа судьи прибыли раньше и уже удостоены аудиенции. Вам придётся подождать следующего захода. Если вас это не устраивает...

Чжан Ляньцюэ тут же замахал руками, расплываясь в улыбке:

— Что вы, что вы! Я никуда не спешу. Могу подождать сколько угодно.

Цуй Люй стоял поодаль, храня молчание. Когда церемония вежливости закончилась, он вынул из рукава визитную карточку:

— Студент из уезда Хуйцуй, Цуй Люй, имел дерзость явиться с визитом.

Перед главой области он, обладатель степени цзюйжэня, должен был именовать себя «студентом», хотя они никогда прежде не виделись.

Управляющий слегка приподнял веки, бесстрастно принял карточку и подозвал слугу в короткой куртке:

— Проводи их в чайную комнату. Пусть подождут.

Их даже не сочли достойными бокового зала! Улыбка на лице Чжан Ляньцюэ едва не треснула. Цуй Люй на мгновение замер, промолчал, но пошёл очень медленно. Дождавшись, когда его охранник вдали подал едва заметный знак, он ускорил шаг, догоняя Чжана.

Телегу с дарами отвезли к столу регистрации. Глашатай громко выкрикивал имена дарителей и названия подношений. Но как раз когда очередь дошла до груды подарков Цуй Люя, к воротам на бешеной, почти убийственной скорости подлетела карета. С грохотом она замерла у коновязи.

— Пёс смердящий! Как ты посмел?! Силой забрать в наложницы нашего комиссара из Департамента по делам женщин?

Губы Цуй Люя дрогнули в едва заметной улыбке. Недавно созданный Департамент по делам женщин разослал по стране отряды инспекторов. И вот, глава области, видимо, совсем лишился рассудка, решив забрать одну из этих женщин к себе в дом. Та отказалась, и он приставил к ней старуху-няньку, чтобы та «учила её покорности», пока несчастная едва не лишилась рассудка.

Мелкие чинуши Цзянчжоу возомнили, что император далеко и не видит их художеств, а потому ни в грош не ставили этих инспекторов. Но они не знали, что Департамент по делам женщин был открыт под личным надзором императора У. В Северных землях их почитают наравне с личной гвардией государя — «Лагерем клинков». Обидеть их — всё равно что плюнуть в лицо императору.

Вслед за каретой во двор ворвался десяток всадников на мощных конях. В руках у каждого — длинный тяжёлый клинок, в глазах — холодная ярость.

— Где люди?! Куда вы дели нашу сестру Янь?! — гремели их голоса.

— Разбойники! Откуда взялись эти тати?! — закричали во дворе. — Стража! Вы хоть знаете,

чьи это покои?!

Цуй Люй схватил остолбеневшего Чжан Ляньцюэ за плечо и прошептал:

— Уходим. Быстро.

Если не скрыться сейчас, их прихлопнут вместе с остальными как соучастников.

<http://bllate.org/book/16118/1585024>